

Великий художник и мыслитель

„Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком“.

Горький.

ДЕНЬ ТОЛСТОГО

Он вставал рано. В семь, а иногда и в шесть утра. Быстро и просто одевшись (незамысловатые летние полотно, а зимой шерстяные блузы), отправлялся на утреннюю прогулку. В руках всегда складной стул, служивший ему одновременно и креслом. Шел легкой походкой по старинному асфальтовому парку, по тем аллеям, по которым когда-то гулял его дед — знавший екатерининский вельможа и князь Н. С. Волконский. Иногда удалялся на километр от дома и сидел на береговой скамейке в слюдах. Утро, свежая тишина, одиночество, — все располагало к раздумью. Одна мысль рождалась за другой, одна образ сменял другую. И вынул записную книжечку, он тут же записывал. Ни одна мысль, ни один образ не должен был потеряться. «Важно мысль записать в ее восторг», — говорил часто Толстой, и так всегда поступал.

Из сада Толстой шел в поле, в лес. И если встречал крестьянина, то всегда вступал с ним в беседу. Он всегда ловил каждое меткое слово, бойкую поговорку, житейский рассказ. С прогулки часто приносил булочки душистого горошка или гинотропа. Возвращаясь домой, он уже около дома, на скамейке у вяза, встречал посетителей. Это были крестьяне, пришедшие к нему за помощью или советом, и вообще люди жаждущие пообщаться с великим художником. Но все посетители на скамейке у вяза были не простые люди. Недаром же и вяз стал называться «деревом бедных».

После беседы под вязом он входил в дом. Оставаясь в передней слышать и в ступ-троить и поднимаясь по ступенькам в зал-столовую — большую светлую комнату с потускневшими фамильными портретами. Как много посетителей вала эта зала. За большим столом сидели когда-то Тургенев, Короленко, Чехов и Горький. Репин и Серов. Здесь бывали и представители азиатского мира — композитор Чанов и писатель А. Б. Гольдштейн.

В кабинете он садился в большое, так называемое, «кроткое кресло» и принимался за разбор ежедневной почты. Маленьким отточенным ножиком выковыривал письма. Они шли к нему со всех концов света: писал купец из Ярославля, болгарин гимназист из Варны, дама из Америки, мещанин из соседнего уездного города Белева, австриец, отряпанный перхотью и государством, писали люди всех сословий и всех профессий, на всех языках мира. Разобрав почту, Толстой принимался за ежедневную литературную работу. Он бесстрастно перечеркивал написанное, делал бесконечные вставки, добывая одного — ясности и точности мысли. Как художник он всю жизнь боролся за одно правило в искусстве — «чувство меры». Толстой не боялся сокращений. «От сокращения», — говорил он, — изложение всегда выплывает. Нужно сразу схватить читателя и не выпускать его из того подма, на который он поднялся. Надо стараться довести свою мысль

до такой степени простоты, точности и ясности, чтобы всякий, кто прочтет, сказал бы: только-то. Да ведь это так просто. — А для этого нужно огромное напряжение и труд».

В часы работы в его кабинет никто не входил. Малейший шум, доносившийся к нему из других комнат, мешал ему, — в доме соблюдалась полнейшая тишина. Он сидел на низком, почти детском кресле. Был близорук, но очки не любил употреблять. Вечерами работал с одной свечей. Потому-то он и садился низко, чтобы не наклоняться над бумагой. А на бумаге лежали тонкие продолговатые и без нажима буквы...

Так продолжалось ежедневно от 9 утра и до часу-двух дня. Затем он делал перерыв в работе, завтракал уже по-настоящему (в первый раз он пил только кофе) и снова отправлялся на прогулку.

Теперь он шел на проходившее мимо усадьбы шоссе. Оно шло из Москвы в Киев. По шоссе целый день тинули странники, «богомольцы» и просто прохожие. Также прогулки Толстой называл прогулками в «большой свет», а Киевское шоссе он называл «Новским проспектом». Снова вступал Толстой в беседу с прохожими, снова ловил жемчужины словесного народного творчества.

В шесть часов в зал-столовую приходила вся семья и гости к обеду. У стола сидела Софья Андреевна, справа — Лев Николаевич. Напротив сидели один из наиболее почетных гостей. С ним Толстой беседовал за обедом. Вовремя слова Толстой передавал принимавшее участие в веселом молодости, любил задавать шутливые загадки, например, спрашивал: «Какая разница между печкой и пенком».

Молчание. Никто не знал. И он отвечал:

Когда в доме есть лишняя печка, ее не топят, а когда есть лишняя пенка — его топят.

После обеда, если находился партнер, Толстой садился сыграть партию в шахматы. Потом уходил к себе в кабинет и часа полтора до вечера так или иначе работал. Но чаще всего в это время он читал. Читал очень много. Самые разнообразные книги лежали у него на столе. На этажерке и сейчас лежит сборник со статей Ленина. Эту статью читал он и на 2 странице подчеркнул несколько строк. Читал Толстой всегда с карандашом в руках, делая в книгах разнообразные пометки, выражая оценку прочитанного условными буквами, отдельными словами и частями от нуля до пяти.

Остальной вечер Толстой проводил в кругу семьи. Часто читал вслух еще ненапечатанные, спорные, остроты.

Перед сном он вновь садился у стола и старческим неровным почерком подводил итоги прошедшего дня. Он их записывал в свой дневник, который вел в продолжении шестидесяти с лишним лет.

Н. МУРАШОВ.

Научный сотрудник.

Ясная Поляна, Тульская обл.

Музей-усадьба Л. Н. Толстого.

(К 80-летию со дня смерти
Льва Николаевича Толстого)

Гениальный художник

80 лет назад умер один из величайших гениев человечества, колосс русской литературы, великий романист и мыслитель Лев Николаевич Толстой. Человек, слава и авторитет которого еще при жизни были безграничными в мире, человек, каждое слово которого находило отклик как в дворцах — причина беспокойства и халатности своей страны — вносил надежду и утешение, так и во всех передовых странах и среди отсталых народов, потому что он затрагивал вопросы, которые волновали всех, говорил о жизненных вопросах, искал справедливую и правдивую форму социальной жизни, разоблачая все то условное, аморальное и уродливое, что создавало и сохраняло дворянское и буржуазное «просвещенное» общество.

Однако Толстой не был лишь моралистом. Он в первую очередь, говоря словами Горького, был «божественным» творцом, подобным которому мир мало видел. Именно, имея в виду это, Анатоль Франс, человек высокой культуры, писатель и мыслитель, говорил о силе Толстого и желая показать его величие для нового света, говорил: «Эллада дала Гомера, Россия — Толстого».

И, действительно, Толстой не только в русской, но и в мировой литературе необычайное явление своим могучим талантом, словно широкая глубоководная Волга, одной своей художественной силой, своим мужеством и бесстрашием и глубоко пронизывающим реализмом, своим бесконечно правдивым произведением и предельно живыми образами, в которых мы видим всегда человека, со своим внутренним миром переживаний и противоречий.

Я не говорю русского человека, так как его герой, будучи русским, одно-

временно являлся всечеловеческим героем как и герои Шекспира. Гениальные обобщения Толстого стали родными и любимыми для всех народов. В созданных им образах — Андрее Болконском, Наташи, Анны Карениной и многочисленных других героях и персонажах, человек каждой страны, будь это европеец или житель Азии, видит себя, свои переживания.

Толстой, как поборе христианского учения, несомненно, заступал в новых общественных формах. Но мир никогда не забудет «Войну и мир», «Анны Карениной», «Казаков» и других выдающихся художественных произведений, являющихся высшим достижением человеческой творческой мысли и духа.

Наша интеллигенция и молодежь воспитывалась и воспитывается своей восторженной любовью к Толстому.

Он в первую очередь, говоря словами Горького, был «божественным» творцом, подобным которому мир мало видел. Именно, имея в виду это, Анатоль Франс, человек высокой культуры, писатель и мыслитель, говорил о силе Толстого и желая показать его величие для нового света, говорил: «Эллада дала Гомера, Россия — Толстого».

И, действительно, Толстой не только в русской, но и в мировой литературе необычайное явление своим могучим талантом, словно широкая глубоководная Волга, одной своей художественной силой, своим мужеством и бесстрашием и глубоко пронизывающим реализмом, своим бесконечно правдивым произведением и предельно живыми образами, в которых мы видим всегда человека, со своим внутренним миром переживаний и противоречий.

Я не говорю русского человека, так как его герой, будучи русским, одно- временно являлся всечеловеческим героем как и герои Шекспира. Гениальные обобщения Толстого стали родными и любимыми для всех народов. В созданных им образах — Андрее Болконском, Наташи, Анны Карениной и многочисленных других героях и персонажах, человек каждой страны, будь это европеец или житель Азии, видит себя, свои переживания.

Толстой, как поборе христианского учения, несомненно, заступал в новых общественных формах. Но мир никогда не забудет «Войну и мир», «Анны Карениной», «Казаков» и других выдающихся художественных произведений, являющихся высшим достижением человеческой творческой мысли и духа.

Наша интеллигенция и молодежь воспитывалась и воспитывается своей восторженной любовью к Толстому. Он в первую очередь, говоря словами Горького, был «божественным» творцом, подобным которому мир мало видел. Именно, имея в виду это, Анатоль Франс, человек высокой культуры, писатель и мыслитель, говорил о силе Толстого и желая показать его величие для нового света, говорил: «Эллада дала Гомера, Россия — Толстого».

Л. Н. Толстой в армянской литературе

Интерес к творчеству Л. Н. Толстого в армянской литературе всегда был велик. Можно сказать, что больше всего из русских писателей говорилось и пишется в армянской печати о Толстом, причем не только в армянской печати в Закавказье и России, но и в армянских изданиях, вышедших в разных уголках мира.

Достаточно сказать, что в Константинополе до революции ряд произведений Толстого, как например, «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» переводились на армянский язык с французского.

Первые переводы сочинений гениального писателя на армянский язык относятся к 7-десятым годам прошлого столетия. Отдельные же издания появились в 80-десятых годах. В 1895 году на армянском языке в Москве появились рассказы Толстого «Чем люди живы», затем были выпущены в свет ряд повестей, и рассказов великого писателя, «Крейцеров соната» вышла в 1898 году, причем — второе и третье издания, вышли впоследствии. «Детство и отрочество» вышло в переводе всемирного армянского писателя Перца Прошана.

Мы останавливаемся лишь на переводах главных сочинений Толстого, выпущенных отдельными изданиями. Между тем в армянской периодической печати, в журналах напечатано много художественных произведений Толстого. Некоторые сочинения Л. Н. Толстого выходили по несколько раз, например роман «Воскресение» до революции издан трижды. Первое издание этого романа относится к 1902 году, его перевод известен переводчик Т. Ованесян.

Переводы сочинений Л. Н. Толстого анализировались выдающиеся представители армянской литературы. Так, кроме Прошана, о котором мы упоминали, писатель Нардопет переводил пьесу «Живой труп», которая была представлена на армянской сцене в 1911 году, писатель Е. Отин в Константинополе до революции перевел с французского «Анну Каренину».

Автор «Пен» Г. Сундугян, в связи с годовщиной смерти Л. Н. Толстого, перевел отрывок из пьесы «Живой труп». Пьесу «Плоды просвещения» перевел заслуженный деятель искусств Г. Лавоян. После Великой Октябрьской Социалистической революции сочинения великого русского писателя стали достоянием широких читательских масс. События слова В. И. Ленина, сказанные им по поводу смерти Л. Н. Толстого:

«Толстой-художник известен ничто, кому меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который орудил миллионы, и доводит миллионы на темноту, забитость, каторжный труд и нищету».

Письмо Л. Н. Толстого к армянскому писателю Атрпету

«Очень благодарю вас за присылку вашей книги. Я нашел в ней много для себя нового и в высшей степени интересного. Меня также интересуют, по своим заглавиям и другим вашим

книжки, указанные в объявлении: «Питие духовности», «Секта Бабаева», «Податная система в Персии», «Младотурецкое движение».

В. И. Ленин, соч. том 14, стр. 400). (80-е годы советской власти на армянском языке выпущено много еще сочинений Толстого. Впервые на армянском языке полностью вышли такие монументальные произведения, как «Война и мир» и «Анна Каренина». Перевод всех четырех томов «Война и мир» кропотливо с требовательностью художника сделал один из наших писателей Ст. Зорян. Ему принадлежит перевод повести «Казаки» и некоторых других сочинений. В советские же годы была издана замечательная повесть Толстого «Хаджи Мурат» и рассказы для детей. Как эта повесть, так и рассказы издавались большими тиражами по несколько раз, и стали любимыми книжками нашего читателя.

Смерть Л. Н. Толстого вызвала огромное количество откликов, статей в армянской печати.

Вослед за своим гениальным учителем и вождем В. И. Лениным, Степан Шаумян и Сурен Станиславян писали о Толстом, как о гениальном художнике слова. О большой толстой о великом русском писателе говорил поэт Ваан Терян, присутствовавший на похоронах Л. Н. Толстого в Ясной Поляне как-бы в качестве неофициального представителя своего народа. 9 ноября (по старому стилю) 1910 года В. Терян направляет из Москвы в армянскую печать два письма, в которых описывает похороны великого писателя и те глубокие чувства, которые вызвали у него эти похороны. В. Терян писал:

«Сорванным и испорченным были похороны Льва Толстого... Не было произнесено ни одной речи. Лишь когда опускали гроб в могилу, один из присутствующих воскликнул: «Великий Лев умер». И тогда толпа, встав на колени, пропела «Вечную память».

Царское правительство, боясь народных демонстраций, быстро покончило с похоронами Толстого. Поэтому с трудом удалось присутствовать на похоронах. Похороны были совершены так быстро, что многие даже не успели быть на них».

«На похоронах, пишет далее Терян, не участвовала даже вся Россия, между тем как должен был участвовать весь мир. Неужто мы хороним Толстого? Разве так нужно хоронить Толстого, который принадлежит всему человечеству...»

Свою статью Терян заканчивает прощальными словами: «Сейчас никак не могла, никакие пути не связывали более его великую душу. Теперь он свободен наконец. Слова и преклонение перед его светлым именем».

В день 80-летия со дня смерти Л. Н. Толстого орошеженный армянский народ может повторить слова своего любимого поэта: Слава и преклонение перед светлым именем гениального русского писателя Л. Н. Толстого.

В. ТЕРИБАШЯН.

Толстой и Кавказ

Тридцать лет тому назад, 20 (7) ноября 1910 года, умер Лев Николаевич Толстой. «Получена телеграмма, и в ней обыкновеннейшими словами сказано — скончался. Это ударило в сердце, заревел я от обиды и тоски... Как много жизни обнял этот человек, какой он не по-человечьи умный и — жуткий». Так встретил смерть Толстого Максим Горький.

В. И. Ленин оценивал творчество Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества (т. XIV, стр. 400). В произведениях великого художника он видел «замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши», беспощадную критику капиталистической эксплуатации, «разоблачение правительственных насилиев, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства, отчужденности и мучения рабочих масс». Корни противоречий во взглядах и учениях Толстого Ленин видел в тех противоречивых условиях, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века. Для Ленина Толстой — «гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы» (т. XII, стр. 332).

Толстой был на Кавказе только в ранней молодости, главным образом, на Северном Кавказе. В марте 1851 года он ездил вместе с братом Николаем отправиться на Кавказ. В апреле они выехали из Ясной поляны, а в конце мая Толстой уже поселился в станице Старогладковской, на левом берегу Терька.

В течение около двухлетнего пребывания на Кавказе Толстой бывал в Кисловодске, Железноводке, Пятигорске, Тифлисе, (где он пробыл около двух недель), во многих казачьих ста-

ницах и в аулах горцев. Он участвовал в кавказской кампании, сначала в качестве добровольца, а затем в звании командира Кавказской армии, под командованием А. И. Барятинского, против чеченцев. В неопытных перестрелках с горцами он принимал участие как военнослужащий. Однажды Толстой был едва не убит снарядом.

Наблюдения над жизнью русской армии на Кавказе, знакомство с бытом, нравами и обычаями местных народов, прекрасные пейзажи горной природы дали богатейший материал для ряда его произведений. Так возникли первые кавказские рассказы Толстого: «Набег», «Рубка леса» и «Разжалованный». Темой их послужили реальные события, участниками которых был сам автор. В этих рассказах описываются отдельные эпизоды действий русской армии на Кавказе. Рассказ Толстого «Рубка леса» посвящен одной из операций царской армии против горцев. Вырубкой лесов и постройкой новых укреплений командование русской армии стремилось очистить территорию от горцев, заставить их бежать в Черные горы. Операция эта входила в общий план покорения Чечни. Последующие повести, над которыми работал Толстой в разные годы — «Казаки» (1852 — 1862), «Кавказский пленник» (1872) и «Хаджи Мурат» (1896—1904) — возникли на основе тех же впечатлений кавказской жизни и кавказских наблюдений.

В повести «Казаки» рассказ ведется от имени юнкера Оленки, с большой радостью покинувшего станицу и едущего на Кавказ, о котором он много слышал и много мечтал. Казаки, среди которых жил Оленка, «своими обычаями, образом жизни и нравами горцев» не вместе с тем «удержали и там, во всей прежней чистоте, русский язык и старую веру». Главная черта их характера — «любовь к свободе, през-

ношение к рабству и войне». После станичной жизни в станице Оленка почувствовал себя совершенно другим человеком. Здесь, на Кавказе, он «с каждым днем чувствовал себя более и более свободным и более человеком». Его идеал — жить по законам естественной жизни, по законам природы. Ему нравится вольная жизнь станицы, потому что там «люди живут, как живут природа: умирают, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, шлют, едят, радуются и опять умирают, и никаких условий, исключая тех неминуемых, которые положила природа солнцу, траве, зверю, дереву». Других законов у них нет. Оленка на Кавказе нашел счастье: «Надо раз испытать жизнь во всей ее безыскусственной простоте. Счастье — это быть с природой, видеть ее, говорить с ней» — писал Оленка своим друзьям. Он полюбил казачку Марьюшку, потому что «она как природа ровна, спокойна и сама в себе», полюбил потому, что в ней нашел он «контрастное всего прекрасного природы». Эти настроения Оленка во многом отражали размышления самого автора. В них, в этих настроениях, сказались увлечение молодого Толстого учением французского просветителя Ж. Ж. Руссо, у которого «естественная жизнь» противопоставлялась «дурным человеческим учреждениям» и цивилизации.

В «Казаках» Толстой выступил презренным реалистом; он правдиво рисует жизнь станицы. Это реалистическое отношение к Кавказу еще более ярко вытекает в «Кавказском пленнике» в описании подробностей жизни и быта горцев. Нельзя не восхищаться тонкой наблюдательностью и прозорливостью автора, который простыми приемами так верно и правдиво подмечает типичные черты, характеризующие особенности жизни горцев. И это особенно важно — читатель ощущает, что все это опирается не на мертвое книжное изучение, а на живое поэтическое восприятие, на реальные ощущения автора.

Толстой попал на Кавказ в самый разгар жестокой борьбы царской власти с свободолюбивыми народами Кавказа. Завоевание Кавказа Россией имело свою длинную историю. Оно продолжалось более полувека. После

присоединения Закавказья русское самодержавие пыталось еще более укрепить свое положение на новой территории, жестоко расправляясь с горными народами, населяющими Северный Кавказ. Многие из этих народов показывали образцы подлинного героизма в борьбе за свою свободу и независимость.

Если не считать первые кавказские рассказы, в которых описаны отдельные эпизоды боевых действий русской армии, Толстой в этот период не дал ни одного произведения, где было бы четко высказано отношение его к кавказским событиям. В конечном счете и в «Казаках» центральное место заняла жизнь станицы, эпизодами же борьбы горцев с царской армией уделено мало внимания. Только на много лет позже Толстой возвращается к кавказским впечатлениям, кавказским событиям — в повести «Хаджи Мурат». И здесь, как и в других произведениях из кавказского цикла, Толстой исходил из реальных фактов и личных наблюдений. Весьма показательно, что из 80-ти действующих лиц повести 50 — реально исторические личности.

Но Толстой не довольствовался наблюдениями и воспоминаниями кавказской жизни, он долго и тщательно собирал материалы о жизни Хаджи Мурата и его окружении. Храбрость, выносливость, верность и дружба стали темой повести. В ней ярко отражены и горячие симпатии Толстого к горным народам Кавказа, отстаивавшим свою свободу и независимость. Это сочувствие к народам Кавказа выражено и в дневнике Толстого 1905 года: «Народ решил быть свободным от правительства и устроить самому. Это великое дело» — писал он по поводу Гурьковского восстания в Грузии.

Трудно сказать, какие пейзажи и произведения Толстого возникли под воздействием кавказских впечатлений. Воле не обязательно, чтобы эти описания природы укладывались только в рамки круга произведений, тематически связанных с Кавказом. Во всяком случае одно несомненно, что природа Кавказа оставила глубокий след в поэтическом сознании Толстого.

Кавказ с первых же дней пленил его своей «мрачной, строгой, дикой, «взвешенной» природой. Еще в ранних

дневниках имеются у Толстого попытки, как описать кавказскую природу. Эти попытки полны горького сознания ограниченности средств словесной передачи тончайших поэтических ощущений, вызванных картинами природы: «Чуждая ночь! Луна только что выбралась из-за бугра и освещала две маленькие, тонкие, низкие тучки; за мной светил свою заунывную, непереносимую луну сверчок; вдали слышна лягушка, и около аула то раздаются крик татар, то лай собак; и опять все затихнет, и опять слышен один только свет сверчка и татлетсы легонькая, прозрачная тучка мимо дальних и близких звезд. Я думаю: пойду, опишу а, что вижу. Но как написать это. Надо пойти, сесть за записанный чернилами стол, взять серую бумагу, чернила, писать ладно и чертить на бумаге буквы. Буквы состоят слова, слова — фразы; но разве можно передать чувство. Нельзя ли какнибудь переписать в другое свой взгляд при виде природы?» («Дневник» 1851 г.). Этот вопрос, очевидно, долго занимал Толстого.

Особенно яркое впечатление произвела на Толстого кавказские горы. На основе этих впечатлений были созданы им многие пейзажные описания в кавказских повестях. В «Казаках» автор передает переживания Оленки, когда он впервые увидел горы и «когда он пошел всю даль между ним и горами и небом, всю громадность гор, и когда почувствовалась ему вся бесконечность этой красоты, он испугался, что это призрак, сон. Он встал, думая, чтобы проснуться. Горы были все те же. Эти же «вечно прелестные, вечно меняющиеся, потрясающие златом, как алмазы, снеговые горы» встречаются и в повести «Хаджи Мурат».

В описаниях кавказской природы Толстой достигает исключительной законности и художественной выразительности: «Выбрался месяц на-за гор — бело, светло, совсем как днем. На деревьях все листочки видны. Тихо, светло по горам; как вымерло все. Только слышно, вину река журчит». Просто и вместе с тем как глубоко и правильно передано ощущение величественной тишины весенней ночи в горах Кавказа.

Толстой любил природу тем особым поэтическим чувством, которое свойственно всем великим художникам. Пейзажам правильно отдал характерную черту толстовского отношения к природе: «Толстой любит только такие виды природы, которые пробуждают в нем сознание его единства с нею». Это сознание было свойственно не только Толстому, но и многим другим великим певцам природы. Но в отношении Толстого к природе есть еще одна важная черта, о которой говорит он в «Дневниках». Вслед за описанием «восхитительной лунной ночи» он писал: «Не насладившись от зыбкости в моей душе красота природы, а какой-то «слишком болель». Эта «слишком болель» напоминает поэтические ощущения, запечатленные в пушкинских строках:

«На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арарат предо мною.
Мне грустно и легко, печаль моя светла...»

Толстой любил Кавказ, его природу «сильной любовью». Действительно, этот этот край дикой, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — вой, на и свобода» («Дневники» 1854 г.).

Кавказ, его природа, быт и нравы его народов нашли яркое отражение в таких произведениях Толстого, как «Казаки», «Кавказский пленник», «Хаджи Мурат», и тем самым обогатили русскую и мировую литературу. Толстой относился к горцам сочувственно к освободительной борьбе народов Кавказа против париизма и местных притеснителей. Ленин писал о том, что художественные произведения Толстого «ведут будут ценными и читаемы массами, когда они создадут человеческие условия жизни, свергнув из капитализма и помещиков» (т. XIV, стр. 400). Великая Октябрьская Социалистическая революция принесла свободу всем угнетенным народам, населяющим бывшую царскую Россию.

Произведения Толстого, переведенные на языки многонационального Кавказа, стали любимыми книжками широких читательских масс.